

РЕЧЕВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖАНРА ИСПОВЕДИ XIX ВЕКА: СТЕРЕОТИПНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

РАКОВА Ирина Владимировна

доцент, кандидат филологических наук

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Высшая школа международных образовательных программ

г. Санкт-Петербург, Россия

Цель данного исследования – рассмотреть композиционную организацию текстов, реализующих жанр литературной исповеди XIX века на примере произведений И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» и Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» с точки зрения композиционно-речевых комплексов как текстовых единиц, проявляющих коммуникативные целеустановки говорящего. Научная новизна работы заключается в рассмотрении художественного жанра (в конкретном случае – жанра литературной исповеди) не только по линии художественного смысла, но и с точки зрения характера коммуникативных интенций, реализуемых в элементарных жанрах как конструктивных элементах художественного жанра. В результате исследования удалось установить относительное тождество элементарных речевых жанров в обоих текстах: и в том, и в другом произведении ими являются информативный, эмоциональный и фатический жанры. Данный факт позволяет предположить стереотипность коммуникативных замыслов, характерных для жанра литературной исповеди, которые, в силу своей стереотипности, инвариантности раскрывают речевое своеобразие исследуемого жанра.

Ключевые слова: жанр литературной исповеди, речевые жанры, композиционно-речевой комплекс, коммуникативный замысел, речевая стратегия.

Проблема жанра в художественной литературе при всей ее традиционности и, казалось бы, ясности не может считаться окончательно решенной и обнаруживает все новые аспекты своего содержания. Собственно литературоведческое выделение жанра как типа произведения базировалось на особенностях компонентов формы (достаточно устойчивых для того или иного типа), передающих тоже определенным образом типологизированное содержание (например, рассказ-эпизод, повесть-цепь эпизодов из жизни героя и т. д.)

Однако, уже М.М. Бахтин искал пути соотнесения жанровых форм и языка, что должно было привести к более глубокой интерпретации художественного текста. Его теория первичных и вторичных жанров стала особенно популярной в последнее время, когда разрабатываются вопросы речевых жанров как своего рода методологического инструмента анализа художественного текста. При таком подходе к речевым жанрам становится возможным рассмотреть проблему специфики того или иного художественного жанра (как вторичного в понимании М.М. Бахтина [2]) не

только по линии художественного смысла, но и с точки зрения характера коммуникативных интенций, реализуемых в элементарных жанрах как конструктивных элементах анализируемого художественного жанра.

При этом основным объектом рассмотрения оказывается композиционная организация текстовых репрезентантов исследуемого жанра как реализаторов речевых стратегий и тактик авторов.

Под композицией, предполагающей членение целого и организацию его частей, мы понимаем выделение *композиционно-речевых комплексов* как текстовых единиц, проявляющих коммуникативные целеустановки говорящего, представленные первичными речевыми жанрами. Тогда композиция определенного жанра гипотетически должна обнаруживать определенную типологию объединения первичных жанров.

Заметим также, что проблема изучения композиции вторичных жанров, как сложных образований, составляющими которых являются первичные речевые жанры, тоже, в свою очередь, представляет интерес как мало изученная и актуальная» [10, с. 60].

При установлении стереотипности композиционно-речевых комплексов, презентующих соответствующие *коммуникативные замыслы*, мы можем говорить о своеобразии исследуемого художественного жанра как речевого, т. е. «типического высказывания» [2, с. 268], реализующего типовые коммуникативные интенции.

Однако, именно стереотипность (или прототипичность) позволяет выявить особенности языковой формы как проявления идиостиля писателя.

Как сочетается инвариантное и индивидуальное в рамках одного и того же речевого жанра, мы рассмотрим на примере жанра литературной исповеди XIX в. В качестве материала были использованы тексты-исповеди «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева [15], «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского [5].

При выборе текстов мы исходим из принципа «сходства-различия». С одной стороны, оба произведения представляют один и тот же жанр литературной исповеди, что должно проявиться в наличии стереотипного, инвариантного. С другой стороны – поэтические и идеологические системы авторов данных текстов различны, и, соответственно, возможно возникновение индивидуальных черт в рамках типичного.

* * *

В ходе анализа композиционной организации «Дневника лишнего человека» нам удалось установить наличие разнообразных композиционно-речевых комплексов, различающихся на основании характера речевой интенции говорящего. Ими оказались *комплексы событийного нарратива*, презентующие фактуальную, объективную информацию, коммуникативной интенцией которых является, соответственно, сообщение о том или ином положении дел; *эмоциональные речевые комплексы*, представляющие субъективную информацию и имеющие в качестве коммуникативного замысла представление эмоциональной реакции на соответствующее положение дел, включающей элемент оценки; и *фатические речевые комплексы*, направленные на установление общения. При этом эмоциональные и фатиче-

ские речевые комплексы находятся с комплексами событийного нарратива в отношениях «стимула – реакции», где комплексы событийного нарратива задают тему-стимул, а эмоциональные и фатические комплексы, дублируя ее и интерпретируя, реализуют эмоциональную реакцию на сказанное в событийных блоках, вследствие чего определяются как «каузируемые» [1, с. 130] отличаются от блоков событийного нарратива. Кроме указанных отличий нам удалось выявить ряд других дифференциальных черт, разводящих рассматриваемые блоки. Первой из них стала степень *эмоциональности и оценочности речи*. В силу субъективного характера и своеобразия коммуникативного замысла максимально экспрессивными, естественно, оказываются эмоциональные речевые комплексы, что проявляется на синтаксическом уровне в обилии средств изобразительного синтаксиса и употреблении оценочных высказываний, а на лексическом – в широком использовании лексем, содержащих эмоционально-оценочный элемент в денотативном или в прагматическом компоненте их значений.

В фатических комплексах и в комплексах событийного нарратива эмоционально-оценочный элемент также присутствует, но там существует как вторичная цель. При этом сферой его экспликации, в основном, оказывается лексика.

«*Любовь – болезнь, а для болезни закон не писан*» [15, с. 83]

«*Смерть все-таки святое дело*» [15, с. 111]

Следующий момент, заслуживающий внимания в связи с анализом отличительных черт рассматриваемых речевых комплексов, касается такого признака, как *обращенность речи*.

Максимально проявленным данный признак оказывается в фатических речевых комплексах, вследствие чего они противостоят не содержащим данный признак эмоциональным речевым комплексам. Указанное разграничение восходит к их дифференциации на уровне типа модальности, которая, в свою очередь, связана с их первичным отличительным признаком – характером коммуникативного замысла.

В отношении модальности мы наблюдаем

следующее: в эмоциональных блоках говорящий концентрируется на себе, на своих переживаниях, и тогда усиливается эмоциональный компонент, а в фатических комплексах – его экзистенция направляется во вне, и генеральной интенцией становится удовлетворение потребности в общении. Это и проявляется в возникновении такой черты, как обращенность речи субъекта повествования, отсутствующая в эмоциональных комплексах.

Комплексы событийного нарратива также не лишены элемента обращенности, что связано со спецификой Ich-Erzählung, в целом, характеризующемся «наиболее непосредственным прямым появлением личности повествователя», которое, в свою очередь, проявляется, прежде всего, в том, что он «время от времени обращается к читателю, вступает с ним в разговор» [7, с. 82].

В «Дневнике лишнего человека» к средствам, указывающим на обращенность речи субъекта повествования в событийном нарративе, можно отнести следующие:

1. Использование форм 2-го лица глаголов и местоимений (2-ое адресатное в терминологии Е.В. Падучевой)

«<…> и вам, когда вы говорите о них, слово «лишний» не первое приходит на язык» [15, с. 73]

2. Использование форм императива

«Скажите на милость, кому не известно все это?» [15, с. 83]

Использование формы 1-го лица множественного числа глаголов и местоимений (в этом случае происходит «объединение» повествователя с читателем)

«Возвратимся к рассказу» [15, с. 69]

«На молчание мы горазды» [15, с. 75]

3. Использование вопросительных предложений

«Неужели?», – твердил я беспрестанно, лежа, как убитый, на спине <…>, – неужели?» Как вам нравится это «неужели?» [15, с. 85]

Нельзя не отметить, что обращенность повествования в данном случае носит односторонний характер (субъект повествования обращается исключительно к читателю).

При рассмотрении же фатических комплексов обнаруживается расширение ряда

адресатов. Субъект повествования обращается не только к читателю как к «другому я» (1), но и к себе самому (2), к неодушевленным предметам (3), к животным (4). Кроме этого, в большом количестве присутствуют риторические вопросы, также включающие элемент обращенности (5).

1) «Ну, скажите теперь, не лишний ли я человек? <…> Но я? Я-то к чему тут приехался?» [15, с. 110]

2) «Но не смешно ли начинать свой дневник, может быть, за две недели до смерти? Что за беда?» [15, с. 66]

3) «О мой сад, о заросшие дорожки возле мелкого пруда, и вы, высокие березы, <…> я посылаю вам мое последнее прощание!» [15, с. 71]

4) «Что ты ластишься ко мне, бедная собачка? <…> Или тебе жаль меня?» [15, с. 111]

5) «Неужели ж этому всему двадцать лет?» [15, с. 71]

Соответственно, обращенность речи в исследуемых фрагментах приобретает многонаправленный характер, что, в свою очередь, может свидетельствовать о ее активизации по сравнению с блоками событийного нарратива.

На это же указывает и появление несобственно-прямого диалога, также отсутствующее в событийном нарративе.

«Но не смешно ли начинать свой дневник, может быть, за две недели до смерти? Что за беда?» [15, с. 66]

Вторая реплика представляет собой реакцию на предшествующую и демонстрирует вторую ипостась говорящего – «говорящий-воспринимающий». При этом, как пишет Н.А. Кожевникова, несобственно-прямой диалог является отображением внутренней речи говорящего и тем самым манифестирует план сознания. [9, с. 292].

Таким образом, как показывают наблюдения, обращенность речи субъекта повествования в событийном нарративе и в фатических блоках имеет различный характер и различную природу.

В первом случае она может быть расценена как прием имитации общения, как искусственно созданная, о чем также свидетельствует наличие устойчивых форм обращения («если хотите», «вы думаете», «можете себе представить»).

Во втором же случае перед нами неотъемлемая, имманентно присутствующая черта фатической речи. В рассматриваемых фрагментах обращенность речи как проявление «желания вступить в общение» [4, с. 37] воспринимается как более выраженная и значимая по сравнению с событийным нарративом и как отличительная черта – в соответствии с эмоциональными речевыми комплексами

Эмоциональные же комплексы, сфокусированные на экспликации эмоций и переживаний говорящего демонстрируют тенденцию к генерализации суждения [6], которая, в свою очередь, оказывается следующим дифференциальным признаком рассматриваемых речевых комплексов. Отсутствующая в событийном нарративе и в фатических речевых компонентах *тенденция к обобщенности* в эмоциональных комплексах проявляется достаточно ярко. Обобщенно-личный план данных высказываний выражается, прежде всего, с помощью лексико-синтаксических средств:

- существительные с обобщенным значением («человек», «люди»);
- имперфектные формы глаголов настоящего и прошедшего времени («живет», «чувствует», «становится», «действует», «доходят», «удваивал», «продолжал»);
- темпоральные обстоятельства («иногда»).

Говоря о лексико-синтаксических средствах экспликации «обобщенности», особо следует обратить внимание на использование настоящего времени. Это так называемое «вневременное настоящее», являющееся отличительной чертой обобщенно-личных предложений и появляющееся при описании «вечных истин» [14]. Обобщенный характер связан также со спецификой ситуаций, представленных в данных предложениях: в большинстве примеров это « типовые ситуации, в которых закреплён опыт людей вообще» [14, с. 26]. Таким образом, рассматриваемые предложения приобретают черты универсальных высказываний, т. е. таких, «которые содержат некоторую стереотипную внеязыковую ситуацию и представляют ее в определенной коммуникативной ситуации» [12, с. 91-92].

Сам факт обобщенности во многом обусловлен направленностью описываемых фрагментов на воспроизведение внутреннего мира говорящего, его ощущений и переживаний.

Осмысление или воображение же не исключает, как известно, повторяемости и обобщенности; более того, ему «свойственно представление единичного как всеобщего» [13].

Таким образом, как мы смогли увидеть в ходе исследования, выделенные нами коммуникативно-речевые комплексы дифференцируются по линии таких текстовых категорий, как:

- степень эмоциональности/оценочности речи;
- обращенность речи;
- генерализация высказывания;
- каузативация, выявляющих, в конечном счете, расхождение данных блоков на уровне интенций.

Данные черты или, вернее, реализации этих черт оказываются, в свою очередь, проявлением своеобразия элементарных речевых жанров, стоящих за анализируемыми речевыми комплексами.

Иными словами, элементарные речевые жанры, выступающие в качестве структурных элементов жанра исповеди в данном тексте, начинают обретать конкретные черты, связанные с такими текстовыми категориями как:

- оценка диктумного содержания;
- отношение актантов и участников речи;
- степень генеритивности информации;
- образ прошлого.

В результате чего мы можем утверждать (полагаясь на типологию жанрообразующих признаков Т.В. Шмелевой [16], что конституирующими компонентами жанра исповеди в «Дневнике лишнего человека» оказались информативный, эмоциональный и фатический речевые жанры.

Теперь посмотрим, что же происходит в плане коммуникативных замыслов в тексте Ф.М. Достоевского.

При обращении к композиционной структуре «Записок из подполья» мы также обнаруживаем в качестве организующих ее элементов аналогичные речевые комплексы:

1. Комплексы событийного нарратива.
2. Эмоциональные речевые комплексы.
3. Фатические речевые комплексы.

Однако, при последовательном анализе коммуникативной природы и структуры данных комплексов выявляется ряд моментов, разнящих их с соответствующими образова-

ниями в «Дневнике лишнего человека» Они определяются усложнением композиционно-речевой структуры событийного нарратива и эмоционально-речевого комплекса: в рамках обоих компонентов выделяются две группы текстов. Основанием же для их выделения становится разграничение по коммуникативным интенциям субъекта повествования.

В случае эмоционального комплекса – это представление эмоциональной реакции и констатация тех или иных «общих положений, истин, правил» [8, с. 32], сопровождаемая эмоциональным фоном. Им соответствуют собственно-эмоциональные (или эмоционально-комментирующие) комплексы (1) и утверждающе-констатирующие комплексы (2). В рамках же событийного нарратива выделяются коммуникативная интенция сообщения информации об определенном положении дел, включающая как повествование, так и описание и лежащая в основу отрезков информативного типа (3), и коммуникативная интенция сообщения ментально-психологического состояния, редупликации потока сознания повествователя, обращенного в будущее соответствующая комплексам ментально-психологического характера (4).

Специфические на уровне интенций, данные композиционно-речевые комплексы также несколько иным образом, нежели рассматриваемые выше блоки, реализуют жанрообразующие признаки жанров, в рамках которых они возникли (имеются в виду информативный и эмоциональный жанры).

Например, тенденция к генерализации суждений как одна из отличительных черт эмоциональных комплексов в тексте Тургенева в эмоционально-комментирующих блоках «Записок», по сравнению с первыми – явно релятивизируется, а в утверждающе-констатирующих – наоборот, активизируется.

В эмоционально-комментирующих речевых комплексах заметно минимизировано число лексико-синтаксических средств, выражающих значение «обобщенности» высказывания. Обобщенно-личные предложения, являющиеся известной приметой генеритивного регистра [6] наряду с обобщенно-личным значением второго лица в высказываниях повествовательно-узуального типа содержат также особый тип адресатного употребления 2-го лица,

где «ты – это обращение повествователя к самому себе» [11, с. 212]. В высказываниях подобного рода, по замечанию Т.В. Булыгиной, «обобщенность пропадает, так как форма 2-го лица обозначает говорящего» [3].

«...Смотришь – предмет улетучивается... Ну и рукой махнешь» [5, с. 297].

«Конечно, от скуки чего не выдумаешь» [5, с. 297].

В утверждающе-констатирующих высказываниях, как мы уже отметили, напротив, наблюдается активизация признака обобщенности.

Все текстовые реализации указанного речевого подтипа представляют собой умозаключения обобщенного характера. Большинство из них строится по принципу логических заключений «S есть P»:

«Прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция» [5, с. 297].

Для них типичны фразы с предикатами в формах настоящего, будущего и прошедшего постоянных, с предикатами – модальными словами «может», «должен» в абилитивном значении с наречиями «иногда», «никогда», «всегда», «каждый раз», с обобщающими, вводными оборотами и дискриптивами обобщенного, расширенного характера.

В связи с обобщением, универсальным характером представленных высказываний следует отметить, что в качестве субъекта диктума в большинстве примеров выступают «родовые» существительные «человек», «человечество»

«<...> может быть вся цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной непрерывности <...> процесса <...> в самой жизни, а не в самой цели, которая, разумеется, должна быть не что иное, как дважды два четыре» [5, с. 310].

Рассмотренные выше в отдельности лексико-синтаксические приметы универсальности в утверждающе-констатирующих речевых комплексах очень часто, естественно, совмещаются, сплетаются, в силу чего еще больше повышается эффект обобщенности: акцентируется неопределенность, всеобщность действий, ощущений, состояний. В целом, в связи с указанными образованиями мы можем говорить о тенденции в них к неограниченному обобщению и расширению информации.

При этом признак генеритивности (максимализированный и ведущий) трансформируется в коммуникативную стратегию: коммуникативным замыслом данных речевых комплексов, как мы уже говорили, является сообщение, констатация общих положений, вследствие чего они воспринимаются как автономные и отличные как от иных речевых образований в «Записках из подполья», так и от эмоциональных речевых комплексов в «Дневнике лишнего человека».

Изменяется и реализация признака эмоциональности и оценочности речи. Если в «Дневнике лишнего человека» повышенная эмоциональность и оценочность речи выступала в качестве отличительной черты эмоциональных речевых комплексов, то в тексте «Записок из подполья» максимально экспрессивным и оценочным является почти что все повествование. К тому же, при сравнении с «Дневником лишнего человека» степень эмоциональности повышается, что проявляется в увеличении и большем разнообразии приемов экспрессивного синтаксиса. Помимо широко используемых восклицательных конструкций, повторов, вопросительных конструкций, частиц, междометий, инфинитивных предложений обнаруживаются также разного рода «замечания-оговорки» [8, с. 13] и включение интонационных характеристик. Приведем некоторые примеры:

«Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит!» [5, с. 287]

«Я человек больной... Я злой человек» [5, с. 287]

«Ведь я взятку не брал, стало быть, должен же был себя хоть этим вознаградить. (Плохая острова, но я ее не вычеркну...)» [5, с. 287]

«да ведь это совершенно все равно – выведу я или не выведу» [5, с. 290]

Единственным исключением в плане повышенной эмоциональности являются утверждающе-констатирующие блоки, характеризующиеся относительно сниженной экспрессивностью. Практически все реализации утверждающе-констатирующего комплекса представляют собой «формулы логизированного языка» [8, с. 13] с прямым объективным порядком слов, со стилистически и экспрессивно нейтральным построением.

«Человек существо легкомысленное» [5, с. 317]

«Всякий порядочный человек <...> есть трус и раб» [5, с. 317]

Эмоциональность проявляется в отдельных случаях на лексическом уровне посредством активизации прагматического компонента в значениях эмоционально-нейтральных лексем под влиянием контекста. Например, лексемы «инерция», «не жизнь» в высказываниях:

«Прямой, законный плод сознания – это инерция» [5, с. 297]

«дважды два четыре есть уже не жизнь» [5, с. 310]

имея номинативную функцию в качестве основной, в контексте всего повествования как в высшей степени экспрессивного в условиях нейтрального синтаксиса начинают выполнять функцию экспликации экспрессии.

Следующий момент, отличающий рассматриваемые речевые блоки от соответствующих образований в «Дневнике лишнего человека», касается признака обращенности. В «Записках из подполья» она (обращенность речи) перестает выступать в качестве отличительной черты фатических комплексов и комплексов событийного нарратива, охватывая все, без исключения, коммуникативно-речевые блоки. При этом расширяется ряд средств, манифестирующих обращенность речи.

Таковыми являются:

– употребление форм 2-го лица местоимений и глаголов

«Вот вы этого <...> не изволите понимать» [5, с. 286]

– собственно обращения и вопросы-обращения

«Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь <...> раскаиваюсь» [5, с. 288]

– употребление императива

«Скажите мне вот что» [5, с. 289]

– указание на реакцию реципиента посредством конструкций прямой и косвенной речи

«Ха-ха-ха! <...> – воскликните вы» [5, с. 295]

– вопросы-переспросы и имплицитный диалог

«Невозможность-значит каменная стена? Какая каменная стена!» [5, с. 294]

Итак, в тексте «Записок из подполья» при анализе композиционной организации текста мы обнаружили те же композиционно-речевые комплексы, что и в тексте «Дневника лишнего человека».

Данный факт, в свою очередь, свидетельствует об относительном тождестве элементарных речевых жанров исповеди в обоих текстах: и в том, и в другом произведениях ими являются информативный, эмоциональный и фатический жанры. Следовательно, мы можем предположить стереотипность коммуникативных замыслов, характерных для жанра исповеди, которые, в силу своей стереотипности, инвариантности, и раскрывают его речевое своеобразие.

Однако, в то же время, обозначаются и отличительные моменты, связанные с усложне-

нием композиционной организации в случае «Записок из подполья» и с изменением как в реализациях, так и роли жанрообразующих признаков при сохранении типа коммуникативного замысла и, соответственно, общего характера речевой стратегии. Данный момент, в свою очередь, эксплицирует индивидуальное, личностное начало в рамках стандартизации.

Таким образом, перед нами ситуация диалектического сочетания стереотипности, отличающей жанр как тип, с индивидуальностью, которой доступна реализация в рамках этого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
3. Булыгина Т.В. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Памяти акад. Г.В. Степанова 1919-1986. – М.-Л.: Наука, 1990. – С. 11-126.
4. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – С. 34-44.
5. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома. Записки из подполья. Вечный муж. Кроткая. – Л., 1990. (Номера страниц всех примеров из данного издания указаны в тексте в скобках после примеров)
6. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.
7. Иванчикова Е.А. Язык художественной литературы: Синтаксическая изобразительность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. – 158 с.
8. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. – М.: URSS, сор. 2009. – 285 с.
9. Кожжевникова Н.А. Несобственно-прямой диалог в художественной прозе // Синтаксис и стилистика. – М., 1976. – С. 283-300.
10. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. – № 2. – 1999. – С. 52-61.
11. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – 464 с.
12. Радзиевская Т.В. Прагматический аспект афористических текстов // Изв. АН СССР. Сер. Лит. И яз. – № 1, т. 47. – 1988. – С. 89-98.
13. Ревзина О.Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – С. 27-46.
14. Рогова К.А. Обобщенно-личные предложения: семантика и прагматика // Преподавание РКИ: Традиции и перспективы. – СПб.: Златоуст, 1999. – С. 24-28.
15. Тургенев И.С. Дневник лишнего человека // Тургенев И.С. Избранное. – М., 1979. (Номера страниц всех примеров из данного издания указаны в тексте в скобках после примеров.)
16. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып.1. – Саратов, 1997. – С. 88-98.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow: Nauka, 1988. – 338 p.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – Moscow: Iskusstvo, 1979. – 423 p.
3. Bulygina T.V. Me, you and others in Russian grammar // Res philologica. Philological research. In memory of Academician G.V. Stepanov 1919-1986. – M.-L., Nauka, 1990. – PP. 11-126.

4. *Dementiev V.V.* Phatic and informative communicative ideas and communicative intentions: problems of communicative competence and typology of speech genres // *Genres of speech*. Saratov: Publishing house of GOSUNTS «College», 1997. – PP. 34-44.
5. *Dostoevsky F.M.* Notes from the underground // *Dostoevsky F.M. Notes from the dead house. Notes from the underground. Eternal husband. Meek. L.*, 1990. (Page numbers of all examples from this edition are indicated in the text in brackets after the examples)
6. *Zolotova G.A.* Communicative grammar of the Russian language. – Moscow: Philol. fac. Lomonosov Moscow State University, 1998. – 524 p.
7. *Ivanchikova E.A.* The language of fiction: Syntactic figurativeness. – Krasnoyarsk: Publishing house of Krasnoyar. un-ta, 1992. – 158 p.
8. *Ivanchikova E.A.* The syntax of Dostoevsky's fiction. – Moscow: URSS, cop. 2009. – 285 p.
9. *Kozhevnikova N.A.* Improper-direct dialogue in fiction // *Syntax and stylistics*. – M., 1976. – PP. 283-300.
10. *Kozhina M.N.* Speech genre and speech act (some aspects of the problem) // *Genres of speech*. – No. 2. – 1999. – PP. 52-61.
11. *Paducheva E.V.* Semantic research. Semantics of time and type in the Russian language. Narrative semantics.-Moscow: Shk. «Languages of Russian culture», 1996. – 464 p.
12. *Radzievskaya T.V.* The pragmatic aspect of aphoristic texts // *Izv. AN USSR. Ser. Lit. And yaz.*, No. 1, vol. 47. 1988. PP. 89-98.
13. *Revzina O.G.* From poetic speech to poetic idiolect // *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiostyle. General questions. Sound organization of the text*. – Moscow: Nauka, 1990. – PP. 27-46.
14. *Rogova K.A.* Generalized personal sentences: semantics and pragmatics // *Teaching RCT: Traditions and perspectives*. – St. Petersburg: Zlatoust. 1999. – PP. 24-28.
15. *Turgenev I.S.* Diary of an extra person // *Turgenev I.S. Favorites*. M., 1979 (Page numbers of all examples from this edition are indicated in the text in brackets after the examples).
16. *Shmeleva T.V.* Model of the speech genre // *Genres of speech*. Issue 1. Saratov, 1997. PP. 88-98.

SPEECH TYPOLOGY OF THE LITERARY AND ARTISTIC GENRE OF CONFESSIONS OF THE XIXth CENTURY: STEREOTYPING AND INDIVIDUALITY

RAKOVA Irina Vladimirovna

Candidate of Sciences in Philology, Docent
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Higher School of International Educational Programs
Saint-Petersburg, Russia

The purpose of this study is to consider the compositional organization of texts implementing the genre of literary confession of the 19th century on the example of the works of I.S. Turgenev «Diary of an extra person» and F.M. Dostoevsky «Notes from the underground» from the point of view of compositional speech complexes as textual units that manifest the communicative goal-setting of the speaker. The scientific novelty of the work consists in considering the artistic genre (in a particular case, the genre of literary confession) not only along the lines of artistic meaning, but also from the point of view of the nature of communicative intentions realized in elementary genres as constructive elements of the artistic genre. As a result of the research, it was possible to establish the relative identity of elementary speech genres in both texts: in both works they are informative, emotional and phatic genres. This fact suggests the stereotypical nature of communicative ideas characteristic of the genre of literary confession, which, due to their stereotyping, invariance, reveal the speech originality of the genre under study.

Keywords: genre of literary confession, speech genres, compositional-speech complex, communicative intent, speech strategy.